

нута окончательная победа, создан новый порядок и получены крупные военные трофеи.

С одной стороны, германские стратеги, конечно, осознают необходимость и срочность скорейшей «доставки» в Россию «главного революционера» Ленина, но они в то же время понимают и двойственный политический характер секретной акции. Людендорф признает в своих мемуарах: «Отправив Ленина в Россию, наше правительство приняло на себя и особую ответственность. В военном отношении поездка была оправданной, Россия должна была пасть. Но наше правительство должно было следить за тем, чтобы не пали и мы».

С этой точки зрения, Ленин стал фигурант мировой истории в известном смысле и в результате германской имперской политики.

ПРИЗНАНИЕ «ДЕНЕЖНОЙ ЖЕНЩИНЫ»

На полпути между Зимним дворцом, бывшей резиденцией российских императоров, и Смольным — Институтом благородных девиц — в петербургском Басковом переулке стоит малоприметный угловой дом.

Зимний дворец, большое здание XVIII в. в стиле барокко, становится всемирно знаменитым, когда вооруженные революционеры в ночь с 25 на 26 октября 1917 г. (по григорианскому календарю — в ночь с 7 на 8 ноября) штурмуют здание. В нем заседает Временное правительство. Его министров без борьбы арестовывают. Это бескровное занятие дворца в последующие десятилетия будет называться «Октябрьской революцией», а позднее, после того как Сталин даст событию новую историческую оценку, год от года торжественно будет отмечаться как «Великая Октябрьская социалистическая революция». Штурм бывшей царской резиденции считается событием, изменившим мир, — и таковым он и был.

Смольный институт, построенный в начале XIX в. в стиле классицизма на территории бывшего «Смоляного двора» российского деревянного флота, также становится всемирно знаменитым. Здесь революционеры с первого дня революции уст-

раивают свою штаб-квартиру. Это место работы Ленина в течение 124 дней, пока правительство не переедет в Москву, новую столицу победоносной советской власти, чтобы с этого момента три четверти века править в тамошнем Кремле.

Оба крупных здания в Петрограде в последующие 8 десятилетий вновь и вновь подробно описываются в книгах по истории. На всех городских планах и в каждом путеводителе их отмечают совсем по-особому.

Напротив, «маленький» дом в Басковом переулке на углу Сергиевской не упоминается нигде — совершенно несправедливо: этот пятиэтажный, внешне неприметный многоквартирный жилой дом в широкой излучине Невы имеет важное отношение к двум другим, всемирно известным зданиям. В этом доме близ Преображенской церкви и казарм лейб-гвардии Преображенского Его Величества полка заканчивается длинная германо-российская денежная линия из Берлина в Петроград.

Здесь, в Басковом переулке, в IX (Литейной) петроградской городской части, живет почти незаметно ближайшее доверенное лицо Ленина, польский адвокат д-р Мечислав Козловский. К нему стекаются все германские деньги для финансирования запланированной Лениным революции.

Угловой дом имеет входы и выходы на соседней улице. Это очень удобно, т. к. в одну дверь домаходит некто — что бы он ни имел с собой, — а из другой двери, «за углом», выходит другое лицо, что бы оно ни уносило. Угловой дом в Басковом переулке — почти идеальное место для денежных курьеров. Все происходит очень спокойно и незаметно для уличных прохожих этого тихого городского района, называемого также «дворянским».

Конечно, для ленинского «главного кассира» Козловского было бы гораздо проще, если бы он мог спокойно прогуляться в течение четверти часа от углового дома до кайзеровского германского посольства близ Адмиралтейства, чтобы там самому забирать «кайзеровские миллионы» наличными или через банковский аккредитив. Но так уж просто дела не делаются. Поэтому необходимы длинные обходные пути и сбивающие с толку маскировки, германские деньги для партийной кассы боль-

шевиков нужно «отмывать» по возможности чище, прежде чем они достигнут петроградского углового дома.

К важнейшим денежным курьерам принадлежит Евгения Маврикиевна Суменсон. Модно одетая молодая женщина работает бухгалтером в петроградской конторе скандинавской торговой фирмы «Фабиан Клингсланд АО», через которую для России импортируются и переправляются дальше вглубь страны различные товары. Фирма представляет собой для Гельфанда своего рода дочернее предприятие и принадлежит к его обширной сети заведений для купли и продажи. Она официально зарегистрирована и занимается прежде всего торговлей товарами, которые срочно необходимы в России в эти военные годы. К ним принадлежат медицинское оборудование, медикаменты, текстиль.

Евгения Суменсон, родственница Ганецкого, устроена в Петрограде им по договоренности с Гельфандом. На нее можно положиться. Это персональное назначение одобряет и Александра Коллонтай, ведь жизнерадостная и совсем «apolитичная» молодая женщина совершенно не вызывает подозрений у неопытной новой российской тайной полиции. – Правда, это, как вскоре выяснится, в корне изменится.

Евгения Суменсон имеет в Петрограде доверенность от фирмы «Клингсланд», она знает и контролирует по указаниям Ганецкого из Стокгольма все движения на счетах. Это касается прежде всего деловых счетов в Сибирском банке в Петрограде, который называют также Русско-Азиатским банком. Оптовое предприятие Гельфанд–Ганецкий заводит для молодой женщины, не вызывающей подозрений, несколько частных счетов. Туда Гельфанд и Ганецкий переводят денежные суммы, отправляемые из их копенгагенской «Торговой и экспортной компании». Трансферты производятся через шведское банковское учреждение «Ния Банкен» в Стокгольме и через «Ния Банкен» в Копенгагене как на счета «Клингсланда», так и на личные счета Суменсон в Сибирском банке в Петрограде. Оттуда Суменсон снимает деньги наличными или чеками и приносит купюры или чеки в угловой дом к Козловскому. Затем Козловский непосредственно направляет деньги в «партийную кассу»

революционеров. Для маскировки, в качестве нормальной выручки от продажи импортных товаров, денежные суммы переводятся также из Петрограда в Стокгольм или Копенгаген и затем, заново декларируемые, опять возвращаются в Петроград через оба банка в Стокгольме и Копенгагене. «Отмыты» таким образом, новые источники перевода в нейтральных скандинавских столицах и портах выглядят чисто коммерческими отправителями.

В узком кругу возникает слух, что Суменсон появляется в угловом доме у Козловского не только с целью отдачи денег, но что у обоих здесь имеется «под одной крышей» и совместная квартира. Однако это ни в коей мере не мешает работе на «денежной линии Гельфанд—Ганецкий—Суменсон—Козловский». У тайной полиции Временного правительства не возникает подозрений, и полковник Борис Никитин, шеф тайной полиции, не располагает, во всяком случае в это время, никакой конкретной информацией. Его, как и его вновь назначенного премьер-министра Керенского и министра юстиции Переверзева, бесит, что он вновь и вновь слышит о германских деньгах, текущих из Берлина в кассу большевиков. Хотя он твердо верит в существование этого денежного трансфера, ему не удается найти никого, кто мог бы привести его к неопровергнутым доказательствам. — Аппарат его тайной службы функционирует далеко не достаточно эффективно.

Полковник Никитин, конечно, знает, что большинство курьеров должны прибывать через лазейку в Хапаранде — Торнио. Поэтому он настойчиво внушает начальнику пограничной станции Торнио лейтенанту Борисову, что нужно, наконец, «выловить» подозрительных лиц, находит два тайных места близ Торнио, где люди нелегально переходят границу, но удается поймать лишь контрабандистов-коммерсантов. «Политические» нарушители границы и курьеры, на которых столь падок полковник в Петрограде, не попадают в сеть.

На совещании у министра юстиции Переверзева полковник Никитин вступает в более тесный контакт со своим финским коллегой. Шеф Финского национального контрразведывательного бюро предоставляет Никитину доверительную инфор-

мацию, что два сельских дома в российско-финском Выборгском пограничном округе используются как места для контактов многими путешественниками между Хапарандой—Торнио и Петроградом. Там часто видели и Александру Коллонтай. Никитин следует указанию и реагирует немедленно.

«Я выбрал для этой работы хорошо подготовленного и деятельного адвоката С., т. к. у него замечательный нюх и интуиция на такие дела», — сообщает Никитин. Агент и профессиональный юрист несколько раз наблюдает за двумя сельскими домами, но и он не может найти и задержать денежных курьеров. Можно ли столь наивно предполагать, что «кайзеровские миллионы» доставляются контрабандой в Петроград, разделенные на мелкие суммы и зашифрованные в подкладку одежды курьера?

Простой, однако требующий времени и организации трюк, хитроумно придуманный немцами и Гельфандом, продолжает беспрепятственно реализовываться.

Тут полковник Никитин получает неожиданную помощь с совершенно иной стороны. Англичане и французы тоже, конечно, давно заметили, что немцы тайно поддерживают большевиков, чтобы те при победоносной революции и возможном захвате власти очень быстро заключили сепаратный мир с немцами и тем самым вырвали союзницу Россию из фронта с Антантой. Англичане и французы знают и об опасном «игольном ушке» под Хапарандой—Торнио. Они посыпают на пограничную станцию своих сотрудников под видом «офицеров-наблюдателей» и без стеснения, с ведома полковника Никитина, участвуют даже в персональном контроле на границе.

Британские и французские офицеры секретных служб с распущим беспокойством наблюдают, насколько мало секретная служба Временного правительства Керенского в состоянии выполнять свои задачи. Самого Никитина, бывшего воинского офицера, лишь после Февральской революции откомандировали прямо с фронта в Петроград, поручив ему эту важную задачу.

Тут дает о себе знать французский офицер-контрразведчик капитан Пьер Лоран и предлагает полковнику Никитину — так сказать, в качестве союзника Антанты — копии телеграмм об обмене некоторой загадочной торговой информацией между

поляками, русскими, шведами и финнами. Мсье Лоран не со-общает, подслушали ли они их где-то по телефонным линиям, «сцепали» непосредственно на Петроградском телеграфе или подкупили человека в нужном месте. Французу кажется подозрительным бойкое телеграфное сообщение между датской «Торговой и экспортной компанией» из Копенгагена, ее представительством в Стокгольме, фирмой Фабиан Клингсланд из Дании и ее филиалом в Петрограде, движение на счетах между скандинавским «Ниа Банкен» и русским Сибирским банком в Петрограде, поскольку там нередко возникают имена революционерки Александры Коллонтай и поляка д-ра Козловского, о которых французская секретная служба знает, что оба они близки к движению вокруг Ленина.

Напротив, о Евгении Суменсон, урожденной финке из буржуазной семьи, до сих пор не удается узнать никаких подробностей. Но все же кажется подозрительным, что Суменсон в телеграммах не раз отговаривала торговца Фюрстенберга из Стокгольма приезжать сейчас в Петроград. С одной стороны, по телеграфу передаются распоряжения о сотнях тысяч рублей или крон, с другой стороны, в телеграммах, отправленных в эти мрачные военные дни, говорится о смехотворных дамских чулках или карандашах. То, что в это голодное время срочно запрашивается у швейцарского предпринимателя Нестле мука, выглядит естественно, но среди запросов на подержанные товары появляются срочные телеграммы, подписанные фамилиями Ульянов и Зиновьев и отправленные Фюрстенбергу в Стокгольм, а именно по его частному адресу в Сальтшебадене, фешенебельном пригороде, где говорится и о специальных делегатах на международную социалистическую конференцию в Стокгольме. Все это выглядит в высшей степени подозрительно.

Полковник Никитин благодарит французского капитана и принимается за это чрезвычайно странное дело. Чем глубже он вникает в содержание 29 телеграмм, подобранных французским офицером, тем сильнее в нем укрепляется подозрение, что этими странными карандашами и дамскими чулками зашифрованы названия совсем других товаров. Быть может, речь идет скорее о винтовках или патронах или о денежных суммах,

которые должны быть контрабандой доставлены в Россию? Почему Суменсон сообщает Фюрстенбергу, проживающему в стокгольмском «Гранд-отеле», что-то о курьерских письмах и, кроме того, просит его предоставить частным образом ее свекру смехотворную сумму в 200 рублей?

Полковник становится активным. Особым мотивом для него служит то, что новый министр юстиции Переверзев, которого, в свою очередь, торопит лично Керенский, хотел бы видеть конкретные следственные результаты. Хочется получить в руки доказательства против большевиков и их германских спонсоров.

То, что для революционеров вокруг Ленина деньги, кажется, не являются проблемой, все более отчетливо ощущается по быстрому созданию их организации, типографии с их партийной газетой «Правда» и другим видам деятельности. В начале июля тираж «Правды», которая до этого влачила скорее жалкое существование, подскочил до 90 000 экземпляров. Германские деньги должны, очевидно, течь щедро, если партия внезапно издает как-никак 41 газету с поразительно высоким для тех времен общим тиражом в 320 000 экземпляров. Многие из этих газет печатаются на латышском, польском, грузинском, татарском языках и усердно распространяются.

15 апреля выходит первый номер газеты для солдат «Солдатская Правда» с тиражом до 70 000 экземпляров. Для матросов издается «Голос Правды», специально для фронтовых частей — еще одна, «Окопная Правда».

Большевики распространяют ежедневно около 100 000 газет среди солдат и снабжают, таким образом, почти каждую роту российской армии ежедневной большевистской газетой. В июле газетные прессы большевиков выплевывают ежедневно в целом 3 200 000 газет. Всего несколько месяцев назад, в феврале этого года, большевики даже еще не имели собственной прессы. Теперь к этому добавляются еще сотни тысяч листовок.

Влияние большевиков на население особенно возрастает в Петрограде. Меньшевики и связанные с ними группировки вокруг Керенского подозревают, что большевики вскоре хотят

захватить себе всю власть посредством путча. Это, естественно, должно быть вскрыто и доведено до сведения мировой общественности.

Никитин организует интенсивное наблюдение за поляком д-ром Козловским, который упоминается в одной из телеграмм. Его поражает, что Суменсон может быть столь важной персоной на секретной линии транспортировки денег между немцами и большевиками. Естественно, его приводит в замешательство и то, что из 29 телеграмм становится очевидно, как деньги текут не только из Стокгольма в Петроград, но и в противоположном направлении. Не является ли все это всего лишь чисто коммерческим передвижением товаров и денег? Полковник Никитин ни в коем случае не желает предстать посмешищем перед общественностью. — Он никогда не сможет раскусить единственную в своем роде запутанную игру Гельфанд, трюк с различными замаскированными фирмами и с переводами денег туда-сюда. Он не очень понимает, как расшифровать текст телеграмм, перехваченных французским офицером.

Например:

Сальтишебаден, 389/4 18 4/5 16.25

Суменсон. Надеждинская, 36, Петроград.

Номер 127. Более месяца ничего не слышал о вас. Срочно нуждаюсь в деньгах. Новый телеграфный адрес: Сальтишебаден, Фюрстенберг.

Никитин отмечает, как быстро реагирует Суменсон и выполняет указания Ганецкого. Всего через два дня она уже сообщает Ганецкому-Фюрстенбергу об исполнении просьбы о деньгах:

Петроград, 374 201, 20 10/II, 13.35

Фюрстенбергу. Стокгольм, Сальтишебаден.

Номер 86. Получила вашу 127. Ссылаюсь мои телеграммы 84—85. Сегодня опять внесла 20 000 вместе семьдесят.

Суменсон.

Суменсон телеграфирует и по официальному адресу бюро Ганецкого, что она внесла значительную сумму в Русско-Азиатский банк в Петрограде:

Петроград, 2801 12 14, 2 12.22

Регат. Фюрстенбергу. Кунгсгатан, 55, Стокгольм.

Номер 74. Внесла Русско-Азиатский банк 50 000.

Суменсон.

Никитин посыает по следу бухгалтерши сотрудника, который должен все выведать о ней. Человек сообщает, что Суменсон не такая «первоклассная», как Коллонтай, а скорее «половеская».

Тогда полковник Никитин выбирает ловкого и опытного молодого тайного агента Ю. и приставляет его к женщине. Ю. инструктируют только в общих чертах: узнать подробности об определенных деловых связях самой Суменсон. О предполагаемых политических связях женщины полковник агенту Ю. ничего не сообщает.

Уже 11 июля молодой человек докладывает полковнику, что ему удалось, не вызвав подозрений, снять на ночь комнату на даче Суменсон в Павловске, в 30 километрах от центра Петрограда. Дело удалось, сообщает молодой человек, и дает понять Никитину, что его информация о «торговых дела», касающихся дамы», очевидно, не может соответствовать действительности. На этом доклад заканчивается.

Из другого источника полковник узнает, что Суменсон видели в Сибирском банке. Никитин посыает туда своего сотрудника Александрова вместе с финансовым экспертом, чтобы получить лучшее представление о финансовых отношениях Суменсон.

Эти два человека узнают, что Суменсон за короткий срок с апреля до июля 1917 г. сняла со своего счета примерно 800 000 рублей и в данный момент на нем находятся еще 180 000 рублей. Это кажется Никитину уж слишком: миллион во владении мелкого незаметного бухгалтера и счетовода! Александров

узнает, что деньги поступили на счет Суменсон от Ганецкого-Фюрстенберга через «Ниа Банкен» в Стокгольме. Банковские расписки и подписанные рукой Суменсон квитанции о выплатах, которые увидели люди Никитина, вполне однозначны.

Но ищейки Никитина все еще не могут разнюхать, куда Суменсон понесла снятые деньги: в угловой дом по Баскову переулку — к Козловскому, «главному бухгалтеру» большевиков.

Тут министр юстиции Переверзев напоминает Никитину, что еще некоторое время назад просил его «положить глаз на Козловского». Полковник тотчас отдает необходимое распоряжение и мгновенно докладывает об успехе: «Наши агенты быстро установили, что он утром зашел в несколько банков, снял деньги и открыл новые счета в других банках». — По мнению полковника Никитина и его финансовых экспертов, Козловский тем самым «только попытался замести свои следы».

Теперь полковник будет наблюдать за угловым домом в Басковом переулке все пристальней, и для его жильцов Суменсон и Козловского петля постепенно стягивается все туже, пока оба не оказываются в действительно угрожающем положении. Никитин же с удовлетворением констатирует, что он, наконец, напал на горячий след.

Подстегнутый Никитиным и «подогретый» его уликами из Сибирского банка, министр юстиции Переверзев 8 июля велит задержать Суменсон и отправить ее под арест. Ей предъявляют обвинение в финансовых сделках, связанных с изменой родине. Германия — вражеская держава, и германские деньги — вражеские деньги. Тотчас начинаются допросы. Полковник Никитин не может отказать себе в том, чтобы лично допросить Суменсон. Обвиняемой предъявляют некоторые телеграммы, скопированные французским офицером секретных служб, и подписанные ею квитанции о приеме денег в Сибирском банке.

Евгения Суменсон признает то, что не может больше отрицать, — что каким-то образом подсчитанная «сумма в 2 030 044 рубля» прошла через руки Ганецкого и ее. Обвинение против Суменсон гласит:

«Вражеские деньги должны были использоваться для свержения нынешнего Временного правительства, в котором ле-

гально сотрудничают и большевики, чтобы большевики могли захватить единоличную власть и заключить сепаратный договор с немцами». Для Переверзева это обстоятельство, согласно действующим законам, означает измену родине.

«Суменсон... во всем и сразу чистосердечно призналась допрашивавшему ее в моем присутствии начальнику контрразведки... — сообщает Никитин. — Она показала, что имела приказание от Ганецкого выдавать Козловскому... какие бы суммы он ни потребовал, и при том без всякой расписки. Из предъявленных ею чековых книжек явствовало, что некоторые из таких единовременных выдач [Козловскому] без расписки доходили до ста тысяч рублей». Деньги она получала от Ганецкого-Фюрстенберга через «Ния Банкен» в Стокгольме. И эти деньги поступали из германских источников, предполагает она.

Эти показания Суменсон побуждают Никитина предъявить руководящим большевикам обвинение в государственной измене. Суменсон становится для Никитина и прежде всего для министра юстиции в известной мере главной свидетельницей того, что германские деньги действительно поступали к большевикам.

Тотчас вокруг показаний Суменсон возникают дикие слухи. В эти хаотичные июльские дни в Петрограде, где все политические группировки различной ориентации самым разным образом выступают, дурно клевещут и ожесточенно борются друг против друга, возникает подозрение, что Суменсон, по старым привычкам царской охранки, на допросах избивали, принуждали к показаниям и даже насиливали. Во всяком случае, Никитин еще десятилетие спустя, из своей английской эмиграции, настойчиво отрицает такие методы допросов.

Министр юстиции хочет теперь немедленно нанести удар по Ленину и его партии. Но именно в этот момент агент Никитина сообщает, что узнал из надежного источника: Ганецкий лично прибудет в Петроград и 18 июля пересечет шведско-российскую границу. С крайне важным материалом — посланием Ленину или, возможно, даже с наличными деньгами. Если бы удалось схватить этого важного денежного человека и связника на границе, на руках оказались бы убедительные доказатель-

ства. Никитин настаивает перед Переверзевым, чтобы отложить запланированный арест Ленина и ведущих людей его партии до тех пор, пока Ганецкого не схватят на границе с новыми, неопровергими доказательствами. — Начинается большое ожидание Ганецкого.

Июльские дни характеризуются в Петрограде наивысшим напряжением. Множество политических группировок еще больше раскалываются. Все выступают против всех. У меньшевиков одна фракция хочет нанести по собственному плану немедленный удар по большевикам, влияние которых все возрастает; другая фракция, напротив, хочет еще выждать, чтобы получить в руки побольше открытых, пригодных к предъявлению доказательств, которые бы еще сильнее разоблачили большевиков.

Напротив, у большевиков Ленин требует захватить сейчас всю власть в государстве, прежде чем разобщенные меньшевики объединятся и совместно выступят против большевиков. Более умеренная группа вокруг Зиновьева хочет еще подождать с большим ударом, т. к. ситуация недостаточно созрела, чтобы пойти на риск всеобщего переворота и захватить власть.

Даже в далеком Берлине «стратеги апельсиновой корки» делятся на два лагеря. В Министерстве иностранных дел, в Генеральном штабе, в секретном отделении Шб и в руководстве Рейха образуются по два «фронта»: одни начинают сомневаться, следует ли в нынешней запутанной и неясной ситуации в соотношении сил меньшевиков и большевиков по-прежнему ставить на большевиков во главе с Лениным, — и это означало бы: сохранять денежный поток «в текучем состоянии» — или лучше внимательно выждать дальнейшего хода событий. Другие, «традиционные ленинские деятели», к которым принадлежит прежде всего Брокдорф-Ранцау, хотят, напротив, не поколебимо продолжать делать ставку на радикальную группу большевиков, поскольку только от них надеются получить после захвата власти немедленный отдельный мир, сепаратный мир с Германией. — Меньшевики, поддерживающие Керенского, напротив, заявляют, что хотят продолжать войну с Германией как верные партнеры стран Антанты.

Поиск решения в Берлине происходит под быстро нарастающим давлением, ведь необходимо незамедлительно установить, не следует ли пока что «заморозить» финансовую поддержку большевиков и основную массу «кайзеровских миллионов» теперь все больше и больше направлять меньшевикам. Чем запутанней становится ситуация в Петрограде, тем рискованней кажутся берлинским правительенным инстанциям коренные изменения. На какую лошадь следует ставить в Петрограде? В данный момент дело выглядит так, что все превращается в настоящую азартную политическую игру, в русскую рулетку с очень высокими ставками. Никто не может с уверенностью предсказать шансы на выигрыш. Ни в Берлине, ни в Петрограде.

Тем временем события захлестывают российскую столицу. Нетерпеливые среди радикальных большевиков наносят внезапный удар, и в их руки практически переходит половина города. Кажется, собственные люди Ленина выходят из-под его контроля.

Переверзеву и Никитину приходится немедленно реагировать и прекратить ожидание курьера Ганецкого с материалами. Вечером 17 июля министр юстиции приказывает полковнику Никитину рано утром следующего дня арестовать вождей большевиков, находящихся в его «черном списке». Кроме того, в ходе акции, проводимой для этой цели, должны были быть произведены обыски в редакциях большевистских партийных газет и партийных офисах.

Но охотники Переверзева и Никитина обескуражены: большинство «списочных людей» из своих квартир «улетели». Очевидно, в самый последний момент они о чем-то узнали! И Ленина не удается застичнуть в указанной квартире. Не выдал ли кто-то секретную акцию? — Главный обвинитель в Петроградском апелляционном суде Каринский узнал о запланированной Переверзовым и Никитиным акции «Мрак и туман», предупредил Ленина через близкого ему Бонч-Бруевича и настоятельно рекомендовал вождю большевиков немедленно скрыться и некоторое время находиться в подполье.

Ситуация теперь действительно обострилась, и Ленину в эти лихорадочные дни приходится дважды в день менять укрытие: его разыскивают из-за «государственной измены и подготовки вооруженного восстания». В те сумбурные дни это вполне может стоить головы.

Согласно списку Переверзева, речь идет об 11 лицах, которых считают главными зачинщиками: Ленин, Зиновьев, Коллонтай, Козловский, Суменсон, Гельфанд, Ганецкий, Раскольников, Рошаль, Семашко и Луначарский. Троцкого в этом разыскном списке «высших десяти» большевиков нет, ведь он лишь в конце июля официально присоединяется к партии. Высокая честь, оказанная в списке видных партийцев совершенно «аполитичной» Евгении Суменсон, вытекает из того, что она уже призналась в роли «денежной женщины» для главной большевистской кассы.

Переверзев хочет еще сильнее подогреть настроение против революционных большевиков и Ленина. В роли министра юстиции он приглашает в свои апартаменты для «чрезвычайно важной информационной конференции» пару благожелательно к нему настроенных журналистов и полсотни представителей полков петроградских частей. Здесь он разоблачает свежую денежную историю между немцами и большевиками, насколько она ему известна.

На следующий день массовая газета «Живое слово» печатает под гигантской шапкой «Ленин, Ганецкий и К° – шпионы!» сенсационную историю о денежной линии Ганецкий–Суменсон–Козловский. Во многих местах столицы расклеиваются спешно напечатанные плакаты с этой информацией.

Для горстки созванных журналистов и полсотни военных представителей полков министр юстиции издает своего рода коммюнике или, точнее сказать, «печатную шпаргалку» для статей и речей. В ней говорится: «Согласно только что поступившим сведениям», теперь доказано, что большевистские организаторы мятежа в Петрограде связаны с германским противником, поскольку «военной цензурой установлен непрерывный обмен телеграммами [...] между германскими агентами и большевистскими лидерами». А в другом месте этого заявле-

ния министра юстиции сказано: «Для этой цели и за счет полученных от указанных государств [Германии и Австро-Венгрии] денег они организуют пропаганду среди гражданского населения и армии, в которой призывают немедленно противостоять продолжению военной акции против вражеских держав».

Керенский, который после подавления мятежа большевиков 20 июля 1917 г. становится премьер-министром нового временного, или переходного, правительства, кроме того, дополнительно заявляет: «Временное правительство однозначно установило, что денежные дела Ганецкого с Парвусом (Гельфанд) продолжались в петроградском Сибирском банке, где на имена Суменсон (родственница Ганецкого) и Козловского была вложена громадная сумма, переведенная из Берлина через Стокгольм при личном посредничестве Ганецкого».

Представители полков, присутствовавшие на информационном собрании у Переверзева, сообщают в своих частях, что Ленин — предатель. Многие солдаты в растерянности, некоторые идут к Таврическому дворцу, где заседают члены Совета рабочих и солдатских депутатов. Это то самое место, где Ленин 4 (17) апреля 1917 г. провозгласил свои «Апрельские тезисы» о плане борьбы за переход от буржуазно-демократической Февральской революции к социалистической революции. Многие простые солдаты больше не понимают политику большевиков. Они требуют разъяснения по поводу обвинений. Всеобщий протест против войны и голода, требования колеблющейся массы о мире и хлебе большевики больше не в состоянии направлять согласно своим идеям. Все больше солдат и гражданских лиц стекается к Таврическому дворцу. Сначала появляются солдаты Измайловского гвардейского полка, за ними следуют солдаты Преображенского и Семеновского полков, которые даже приводят с собой оркестр. Видны и казаки. Ленин и К° — предатели? Оплаченные германские шпионы? Невозможно представить! Упоминается странная поездка Ленина через вражескую Германию, это приводит в еще большее замешательство.

Вспоминает ли Ленин в этой щекотливой для него ситуации, что Гельфанд предлагал ему в 1915 г. приехать в эмигра-

цию к нему в Копенгаген? Ленин тогда наотрез отказался и, тем самым, не избежал унизительной транзитной поездки под охраной через вражескую Германию, которую ему теперь вновь преподносят! Партийный вождь в данный момент нигде не может показаться общественности.

Троцкий позднее вспоминает, как в день мятежа в середине дня все еще были вместе и распределяли министерские посты, ответственные функции народных комиссаров в своем новом правительстве, и что уже через 6 часов их разнесло в разные стороны как преследуемую дичь, каждого в поисках надежного укрытия. «Теперь они расстреляют нас одного за другим, — говорит Ленин, — это для них самый подходящий момент». Эти слова еще долго звучат в ушах Троцкого, и столь шутливая фраза Радека, брошенная тогда, в начале поездки, на цюрихском вокзале, что все они через 6 месяцев либо станут министрами, либо окажутся на виселице, приобретает задним числом гнетущий смысл.

Посреди этого политического хаоса в бурлящем Петрограде на глазах общественности разыгрывается жуткая сцена: на широком Невском проспекте, знаменитой и богатой традициями великолепной улице, маленькая группа студентов инсценирует на своего рода стихийном «спектакле уличного театра» судебный процесс против «Ленина и германских шпионов». — Театрально-пророческое предвидение грядущих событий?

ДЕНЕЖНЫЙ ТЕАТР И ВОЕННАЯ ХИТРОСТЬ

Но то, что следует в действительности, все больше и больше вырождается в трагикомичное политическое кабаре. Керенский и Переверзев хотят инсценировать пьесу о коррумпированных большевиках под звон литавр. В этом высокоморальном театре Керенский и К° играют роли искренне возмущенных и, разумеется, умалчивают, что они тоже получали деньги — но только с другой стороны, от государств Антанты.

Ленин и его люди выступают в ролях, распределенных согласно собственной режиссуре: все отрицать — гласит их простой де-